Ники Остин

Семь футов под килем

Ники Остин

Семь футов под килем

«Автор»
2026

Остин Н.

Семь футов под килем / Н. Остин — «Автор», 2026

Начало XX века. Эпоха гордых парусников уходит в прошлое,но греческий капитан Лукас Митропулос готов рискнуть всем ради своей мечты. Однако октябрьский шторм у берегов Швеции разбивает его любимую баркентину «Агиос Николаос» о гранитные рифы. Чудом выживший капитан отдаёт всю страховку до последнего гроша своей команде, чтобы уберечь их семьи от нищеты, а сам остаётся на суровом северном берегу ни с чем.Судьба забрасывает его в затерянную среди вековых лесов деревушку Брубю. Местные крестьяне сторонятся угрюмого чужака, прозвав его «Чёрным мельником», а сам Лукас уверен, что его время остановилось навсегда.Всё меняется, когда в деревню приезжает новая учительница Элин Линдстрём, дочь известного стокгольмского мастера навигационных приборов. Увидев в заброшенной каморке мельника знакомое отцовское клеймо на замерших часах, девушка решает не просто починить тонкий механизм. Она задумывает невозможное: вернуть капитану парус и воду, а вымирающей северной деревне — надежду и новую жизнь.

© Остин Н., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 7
Глава 3 9
Конец ознакомительного фрагмента. 10

Семь футов под килем

Глава 1

Трюмы трёхмачтовой баркентины «Агиос Николаос» пахли так, словно в них заперли само греческое лето. Тяжёлый, густой аромат оливкового масла из Мессении смешивался с терпкой сладостью изюмного вина в дубовых бочках, пряным, пыльным шлейфом сушёного инжира и сладким духом коринфского изюма.

Капитан Лукас Митропулос, мужчина лет тридцати из потомственных мореходов Галаксиди, стоял на юте, крепко сжимая ладонями деревянный штурвал. Его пальцы, огрубевшие от морской соли, помнили каждый изгиб этого корабля, построенного из прочного дуба и парнасской сосны на родных верфях. Лукас знал «Агиос Николаос» так, словно судно было продолжением его собственного тела. Он помнил, как оно резало синюю гладь Средиземного моря, как уверенно обходило грозный мыс Матапан и как гордо поднимало свои белые крылья-паруса, заходя в порты Ливерпуля и Гамбурга.

На родине капитана этот тип судна уважительно называли «баркой-бестией». Он сочетал прямые паруса на передней, фок-мачте и косые, трисельные — на двух других. Это был невероятно устойчивый в океане корабль, обладавший огромной вместимостью.

Но мир вокруг стремительно менялся, и Лукас это видел. Новый, двадцатый век беспощадно вытеснял романтику прошлого. В больших европейских портах парусники всё чаще жались к дальним причалам, уступая место стальным чудовищам — пароходам. Они были уродливыми, закопчёнными, плевались чёрным угольным дымом и ревели на всю гавань, но не зависели от капризов ветра. Эти суда шли строго по расписанию, забирая самые выгодные фрахты.

Лукас не был упрямым консерватором. Он любил свист ветра в снастях, но понимал: если не измениться сейчас, море выбросит его на обочину истории. На верфях Гётеборга он видел гибридные суда — изящные шхуны, в чьи корпуса шведские инженеры умудрялись врезать компактные, но мощные паровые машины тройного расширения. «Агиос Николаос» мог стать таким же. С гребным винтом ему были бы не страшны штили Атлантики.

Чтобы купить шведский двигатель и оплатить перестройку баркентины, требовались колоссальные деньги. Лукас пошёл ва-банк. Он вложил в дело всё до последнего гроша и забил трюмы южными деликатесами, которые на севере ценились на вес золота. Взамен он планировал загрузиться шведским лесом и выгодно сбыть его в Греции. Прибыль полностью покрывала модернизацию. Риск был просчитан до мелочей.

Рейс на Балтику должен был стать рутинным. Лукас не раз ходил этим маршрутом: погрузив в Патрах изюм и масло, он направлялся в Гётеборг — крупнейший центр лесной торговли, а затем намеревался подняться дальше, в Стокгольм, чтобы обновить судовые приборы у тамошних мастеров. Но Балтийское море в октябре не прощает самоуверенности.

Когда до спасительных огней Гётеборга оставалось всего несколько миль, обманчивое затишье взорвалось яростным северо-западным шквалом. Небо мгновенно рухнуло в море, превратившись в свинцовое месиво, а воздух наполнился ледяной крошкой мокрого снега. В узких проливах среди шхер, где под водой скрывались острые гранитные рифы, парусник оказался в смертельной ловушке. Пароход в такую минуту просто дал бы задний ход и ушёл на глубину, но «Агиос Николаос» полностью зависел от ветра, который с бешеной силой швырял его на скалы.

— Убрать топсели! Живее! — кричал Лукас, но его голос уносил ревущий шторм.

Сверху раздался страшный треск, похожий на пушечный выстрел: фок-мачта переломилась пополам, увлекая за собой путаницу снастей и рвущейся парусины. Корабль накренился. В следующую секунду чудовищный удар снизу потряс весь корпус от киля до клотика. «Агиос Николаос» на полном ходу налетел на подводную каменную гряду, и гранитный зуб распорол деревянное брюхо судна.

Вода хлынула в трюм. В темноте, под палубой, с глухим рокотом начали срываться со своих мест многотонные бочки. Дубовые клёпки лопались, амфоры с маслом бились друг об друга, превращая драгоценный груз в густую маслянистую кашу. Море забирало всё.

Лукас до последнего держался за штурвал, чтобы дать команде время спастись. И сделал он это не только из капитанского долга. Жители Галаксиди нанимали в экипаж почти исключительно своих односельчан — братьев, племянников и сыновей. Четырнадцать человек на борту были не просто моряками — это была одна большая семья. Если кораблю угрожала беда в северных водах, под угрозой гибели оказывались все мужчины одного квартала Галаксиди.

Лукас не успел сесть в шлюпку — ледяная волна смыла его за борт. Его спасло чудо и железное здоровье. Береговой патруль подобрал полуживого капитана и его людей на каменистом островке через несколько часов после катастрофы. Корабль ушёл на дно полностью. Вместе с ним на тридцатиметровой глубине навечно остались и бочки, и сладкое греческое вино, и главное — мечта о новой паровой машине.

Через пару недель Королевское управление навигации помогло выжившим греческим матросам сесть на попутное судно до Марселя, чтобы вернуться домой. Хотя корабль был застрахован в лондонском Ллойде, Лукас отдал все полученные страховые деньги команде, чтобы спасти их семьи от нищеты, а сам остался на шведском берегу ни с чем. Он не мог позволить себе вернуться в Галаксиди без судна, без денег… Без мечты.

Он стоял на сером пирсе, провожая глазами уходящий на юг пароход. Ветер трепал его толстое суконное пальто. Лукас повернулся спиной к морю — стихии, с которой он делил жизнь и которая так жестоко его предала.

Его новая жизнь теперь была связана с землёй. Густав фон Розен, крупный землевладелец, заказавший у него коринфский изюм и оливковое масло через торговый дом в Стокгольме, узнав о крушении, лично прибыл на побережье. Поражённый благородством греческого капитана, который не оставил себе ни гроша, он купил Лукасу билет на поезд до Вермланда и назначил его управляющим водяной мельницей в деревушке Брубю.

Глава 2

Осень в провинции Вермланд не имела ничего общего с той, к которой Лукас привык на родине, в Галаксиди, где сентябрь пах собранным виноградом, высушенным на солнце изюмом и всё ещё тёплым морем.

Здесь осень наступала внезапно, словно удар топора: небо блекло, а утренние туманы становились такими густыми, что вековые ели вокруг мельницы казались призраками.

Старая водяная мельница коммуны пряталась в низине, у самого русла бурной, ледяной речушки. Для местных жителей это место было сердцем деревни, но для Лукаса оно стало добровольной тюрьмой.

Его будни теперь подчинялись не компасу и звёздам, а тяжелому, монотонному ритму деревянных шестерён. Каждое утро начиналось задолго до рассвета, в глухой темноте. Капитан Митропулос, которого, несмотря на молодость, крестьяне теперь звали просто «хмурым Лукасом», спускался в сырой полумрак нижнего яруса, проверяя заслонку русла. Вода, по которой он когда-то скользил, укрощая яростный ветер парусами, здесь, на суше, казалась ему пленницей, скованной деревянным жёлобом. Она с рёвом падала на лопасти огромного колеса, приводя в движение дубовые валы.

Мельница внутри постоянно вибрировала, стонала и скрежетала. Этот звук заменял Лукасу шум балтийского шторма. Когда жернова принимались тереться друг о друга, перемалывая зерно, пол под ногами дрожал точно так же, как палуба «Агиос Николаоса», идущего полным ходом.

Его быт был спартанским до убожества. Он жил в крошечной пристройке прямо при мельнице. Из мебели — грубо сколоченный стол, узкая кровать и чугунная печурка, которая пожирала дрова с ненасытностью топки того самого парохода, о котором он когда-то мечтал. Пахло здесь вечной сыростью, речной тиной и сухой, удушливой мучной пылью. К концу дня эта пыль оседала на его волосах, бровях и чёрной, коротко остриженной бороде, превращая тридцатилетнего капитана в седого старика. Лукас смывал её ледяной речной водой и подолгу глядел на свои ещё сильнее огрубевшие и почерневшие от тяжёлой работы руки. На правом предплечье всё так же синела татуировка — православный крест, обвитый канатом. Он всегда спускал рукава рубахи до самых запястий, чтобы не отвечать на чужие расспросы.

С местными крестьянами Лукас почти не говорил. Его шведский оставался скудным, рубленым и неестественно глухим. Деревенские привозили мешки с рожью и овсом, с опаской поглядывая на этого нелюдимого, широкоплечего чужака.

— Нам бы к субботе, мастер Лукас, — робко говорил какой-нибудь старожил, протягивая кисет в знак вежливости.

Митропулос лишь коротко кивал, закидывал тяжеленный мешок на плечо и уходил вглубь мельницы, ступая на крепких ногах так, словно нёс не зерно, а лёгкие игрушки.

За его молчание и пугающую, чуждую для этих мест внешность деревня платила ему суеверным страхом. За глаза его называли «Чёрным мельником» и шептались, что он заговорил воду, ведь его колесо крутилось даже в самый слабый поток. Матери запрещали детям бегать к реке, уверяя, что пришлый грек знается с Нэккеном — водяным духом. Лукас знал об этих слухах, но они его даже устраивали: одиночество оберегало от воспоминаний.

Но в этот год осень выдалась пугающе холодной. Небо затянуло свинцовыми тучами, и над деревней нависла угроза ранних заморозков. Если не успеть собрать и смолоть рожь до первых настоящих дождей, коммуна останется без хлеба на всю долгую северную зиму. Фермерам требовалось множество рабочих рук. Объявили страду. На уборочную вышли все, включая местную школу, которая закрылась на время «картофельных каникул» — так в Швеции

называли осеннее освобождение детей от занятий, чтобы они могли помогать семьям в поле и на огородах.

Глава 3

До приезда в Вермланд Элин Линдстрём видела рожь только в виде свежеиспечённых булочек, которые горничная подавала к утреннему кофе в их стокгольмской квартире.

Элин была дочерью Юхана Линдстрёма — известного на всю Балтику мастера точной механики и навигационных приборов. Её детство и юность прошли неподалёку от столичного порта, в мастерской, где пахло канифолью, машинным маслом, лаком и дорогим палисандром. Вместо обычных игрушек у Элин были старые латунные шестерёнки, а засыпала она под мерное, согласное тиканье десятков морских хронометров и корабельных часов, которые капитаны со всего света приносили её отцу на сверку перед дальними походами. Она с детства умела читать навигационные карты, знала, как настраивать секстант и как выглядит шкала компаса, и прекрасно помнила лица людей моря — обветренные, с глубокими морщинками у глаз от солнца, сердитых порывов ветра и вечного созерцания горизонта.

Окончив Королевскую учительскую семинарию в Стокгольме, Элин бредила просвещением. Она верила, что её долг — нести знания в самые глухие уголки страны. Однако реальность провинциального распределения оказалась куда суровее её идеалистических представлений.

Когда девятнадцатилетняя Элин сошла с поезда на маленькой станции, а затем ещё пять часов тряслась со всем своим багажом на присланной за ней телеге по разбитой лесной дороге, её романтический флёр рассеялся. Деревушка Брубю встретила девушку стеной глухого елового леса, пронзительным холодом и настороженными взглядами местных жителей.

Деревянное здание школы, выкрашенное в традиционный фалунский красный цвет, где ей предстояло и жить, и учить детей всех возрастов в одном классе, пахло печным дымом, сушёными травами и сыростью. Для крестьян Элин с её безупречной столичной речью, изящными городскими туфлями и кружевным воротничком блузки была существом с другой планеты. Они уважительно снимали перед ней шляпы, звали «фрёкен Линдстрём», но держали дистанцию, считая её слишком хрупкой и «фарфоровой» для этих суровых мест. Никто из них не догадывался, что эта нежная городская барышня умеет на слух определять погрешность хода часового маятника и с закрытыми глазами может разобрать и смазать судовой барометр.

Первые недели Элин засыпала под тихий плач от одиночества и непривычного холода — дрова в школьной печи прогорали слишком быстро, а колоть их самой у неё не хватало сил. Но её спасало упрямство. Она заставляла себя улыбаться крестьянским детям, учила их пению и географии, с особым трепетом чертя на доске линии морских путей.

В середине сентября школьные будни резко оборвались. После холодного и дождливого лета жатва сильно запоздала. Наступило время, когда педагогические методики Стокгольма потеряли всякий смысл перед лицом главного закона северной земли: если рожь не будет убрана до затяжных осенних дождей, деревня просто не выживет. Пастор коммуны лично пришёл к Элин и, пряча глаза от смущения, объяснил, что в этом году из-за ухода многих мужчин на строительство дальнего участка железной дороги рук критически не хватает.

— Понимаю, фрёкен, что ваши руки созданы для книг и чернил, а не для серпа, — глухо сказал он. — Но если мы не успеем, зимой у детей в школе не будет даже корки хлеба.

Элин испуганно взглянула на свои тонкие пальцы с аккуратными ногтями, но кивнула. Спрятав городское платье в сундук, она надела самую старую шерстяную юбку, повязала голову платком, как местная крестьянка, и ранним утром, когда над рекой ещё стоял ледяной туман, вместе со всеми вышла к бескрайнему, шумящему полю ржи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.